

Кроме выше упомянутых диссертаций я выпустил в свет еще следующие труды: 1) Beiträge zur Böhrling's «Sanskrit-Wörterbuch in kürzeren Fassung» в 1882 г. (см. Vorwort zum Theil III); 2) Das Gōhīlagrhyasūtra. Th. II: Eileitung, Übersetzung, Erläuterungen. Dorpat, 1886; 3) Вступительная лекция о прелестном Илме и Заратуштре, читанная в университете Св. Владимира 5-го марта 1885 г. (см. Университетские Известия № 3 — март 1885 г.); 4) Реферат о раскопках курганов, произведенных мною в прошлом году в Сарасле в Бессарабии, читанный в Обществе Нестора летописца (печатается в «Чтениях в историческом Обществе Нестора Летописца»); 5) Статья «Zu iti und ca» in «Festgruss an Otto von Böhrling zum Doctrijubiläum 3. Februar 1888. Stuttgart 1888.

Проф. Ф. Кнауэр
Киев,
3-го марта 1889 г.

Ученые труды Ф. Кнауэра

1. Beiträge zum «Sanskrit-Wörterbuch in kürzeren Fassung von G. Böhrling. 1882. (см. Vorwort zum III Theil, Petersburg 1882)
2. Über die betongung der composita mit a privativum ins Sanskrit 1882 in Kuhns Zeitschrift für vergl. Sprachwissenschaft Br. 27 (магистерская диссертация, Dorpat 1882).
3. Das Gōhīlagrhyasūtra herausgegeben und übersetzt:
a) I. Heft: Text nebst Einleitung. Dorpat 1884 (докторская диссертация)
b) II. Heft: Übersetzung nebst Einleitung und Erläuterungen. Dorpat, 1886.
4. Вступительная лекция, читанная в университете Св. Владимира в 1885 г.; печатанная в Университетских известиях в № 3 (Март) 1885 г.
5. «Zu iti und ca» статья в «Festgruss an Otto von Böhrling zum Doctrijubiläum 3. Februar 1888. Stuttgart 1888.
6. Доклад «О раскопках курганов в Бессарабии», произведенных мною в апреле 1888 г., читанный 20-го ноября в Киевском историческом Обществе Нестора летописца, печатается в Чтениях в названном обществе.

Ф. Кнауэр,
Киев,
21-го января 1889 г.

ДАК, ф. 16, оп. 465, спр. 468, арк. 35-36.

(14) Повідомлення преси

«Киевлянин»

Вторник, 17-го февраля 1915 г. № 48.

Холатайство о проф. Кнауэре

Высокопоставленное лицо, по сведениям «Русских Ведомостей», обратилось к графу П.Н. Игнатьеву со следующим письмом: «Несколько ученых обратили мое внимание на тяжелое положение, в котором оказался заслуженный профессор Императорского университета св. Владимира Ф.И. Кнауэр. Он был арестован в августе и сослан в Томскую губернию с наложением ареста на получаемую им пенсию за то, что два сына его приняли германское подданство и якобы сражаются против нас. Предполагая, что для суровой меры, принятой по отношению к профессору Кнауэру, приведены недостаточные основания, ибо увольнение из русского подданства произошло согласно Высочайшему разрешению, а факт нахождения сыно-

вей профессора Кнауэра в рядах неприятельских войск непроверен и не доказан, я тем не менее прошу вас, как главу того ведомства, где профессор Кнауэр прослужил 32 года, исходатайствовать облегчение его участи с переводом его в Казань или в другой университетский город, где он имел бы возможность продолжать свои научные занятия и, в частности, закончить издание санскритского текста, порученного ему академией наук».

В связи с этим обращением, графу П.Н. Игнатьеву был предоставлен спешный доклад, который сводится к следующему: «Из переписки по министерству народного просвещения усматривается, что профессор Кнауэр, задержанный, как донес попечитель Киевского учебного округа, обстоятельствами военного времени за границей, возвратился в Киев в конце сентября 1914 года, причем его появление в университете вызвало большое возбуждение в профессорской среде: большинство профессоров сторонились его, многие из них перестали подавать ему руку, а профессор Голубев даже открыто выступал против него в заседании историко-филологического факультета с обвинением в измене и требованием его удаления. Причиной такого отношения к профессору Кнауэру послужило то обстоятельство, что он перевел своих сыновей, Гельмута и Зигфрида, в германское подданство. По слухам, сыновья профессора Кнауэра с объявлением войны даже поступили в ряды германской армии.

На затребованные попечителем Киевского учебного округа от профессора Кнауэра объяснения последний ответил, что ходатайство об увольнении сыновей из русского подданства им было подано, как он выражается, «в светло-мирное время», в 1911 году, и Высочайшее соизволение последовало для старшего сына, Гельмута*, 19 декабря 1912 года, а для младшего — 17 июля 1914 года. Профессор Кнауэр объясняет, что его сыновья, как несовершеннолетние, не могут принимать участия в военных действиях против России. Самое же переселение его семьи в Германию вызвано необходимостью воспитания детей, ставшего в России со смутного 1905 года крайне затруднительным.

В этом объяснении, по мнению попечителя названного округа, не все представляется достаточно обоснованным и искренним. Нарушение порядка школьных занятий в 1905 году было кратковременно и неглубоко и почти не касалось младших классов. Если действительно условия воспитания детей в Йене были более благоприятны, то это еще не может служить основанием к перемене подданства. Попечитель указывает, что Кнауэр происходит из немецких колонистов, родился и вырос в России и хотя сам дослужился до пенсии и завершил это отчуждение формальным перечислением в состав граждан Германии. Если приверженность профессора Кнауэра была столь велика, как он говорит, то что мешало бы ему с объявлением войны отказаться от увольнения детей из русского подданства, тем более, по замечанию попечителя, что в этот момент тысячи исконных германских подданных стали хлопотать о переходе в русское подданство.

Так как возбуждение профессоров университета св. Владимира против профессора Кнауэра грозило осложнениями, попечитель учебного округа находит оставление названного лица на службе совершенно нежелательным.

В ответ на это донесение временно-управляющий министерства народного просвещения барон М.А. Таубе предложил попечителю киевского учебного округа обратиться частным образом к профессору Кнауэру с предложением подать ныне же рапорт о болезни и затем не появляться ни в университете, ни на высших женских курсах во все время войны. Если бы профессор Кнауэр, как указывает временно-управляющий министерством, не пожелал исполнить этот добрый совет, то по-

* Так у текст.

печитель должен официально предложить подать прошение об отставке и, в случае неподачи такого прошения, уволить профессора Кнауэра без прошения, предварительно предупредив его об этом.

25-го ноября 1914 года попечитель киевского учебного округа сообщил, что профессор Кнауэр временно освобожден от преподавания согласно поданному последним рапорту о болезни. Перевод заслуженного ординарного профессора Императорского киевского университета в Императорский казанский университет или какой-либо другой не может иметь места, так как профессор Кнауэр прослужил 30 лет и никакой штатной должности не занимает.

Граф Игнатьев нашел, что представлялось бы соответственным просить министерство внутренних дел сообщить об обстоятельствах, вызвавших арест и ссылку профессора Кнауэра, и об этом запросе также доложить высокопоставленному лицу. 6-го сего февраля были посланы министрам внутренних дел и военному два письма одного и того же содержания, в которых указывалось, что одно высокопоставленное лицо выразило желание, чтобы участь заслуженного ординарного профессора Императорского Киевского университета св. Владимира Кнауэра, арестованного в Киеве и сосланного в Томскую губернию, была облегчена переводом в Казань или другой университетский город, «вследствие чего, препровождая копию упомянутого письма, считаю долгом покорнейше просить ваше высокопревосходительство сообщить для доклада насколько представляется возможным осуществить перевод профессора Кнауэра в один из университетских городов».

«Киев»

Суббота, 21-го февраля 1915 г. № 401

«Светло-мирный» профессор

Жил-был в Киеве профессор университета св. Владимира Кнауэр. Более тридцати лет он состоял на русской государственной службе, получая, конечно, чины и ордена и являясь 20-го числа аккуратно в русское казначейство. Но все эти десятилетия, проведенные Кнауэром на русской территории в безбедном житии, ничуть не убавили в нем пылкой страсти к своему фатерлянд. На Россию почтенный профессор смотрел, как на дойную корову, а всеми своими помыслами жил в Германии, куда перевел на жительство и свою семью. Почитывая за утренним кофе немецкие газеты, Негг Кнауэр таял от восхищения при имени своего кайзера, упиваясь звоном его бесконечных речей. Это восхищение привело к тому, что почтеннейший немец в конце-концов не выдержал и подал прошение об увольнении его сыновей из русского подданства.

Наступила война. Господин Кнауэр читал лекции русским студентам, а его сыновья, по слухам, подстреливали в это время русских солдат. Тяжелые на подъем русаки, наконец, смекнули в чем дело, и стали при встрече с профессором мрачно нахлобучивать шапку. Коллеги по университету перестали с Кнауэром здороваться, но упорный тевтон презрительно фыркал и продолжал «двигать русскую науку». Заговорила пресса, правда, робко, не называя даже фамилии, и подчеркнула нелепость сочетания государственной службы с германофильством господина Кнауэра. Наконец, вмешалась власть и предложила поклоннику кайзера переселиться на время в Томскую губернию.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Казалось бы, роль почтенного профессора кончена, и русское просвещение рассталось с господином Кнауэром навсегда. Однако оказывается, что вынужденное путешествие Кнауэра — только лишь начало, а в недалеком будущем ожидается весьма занимательное продолжение в виде реставрации его деятельности.

Полная реабилитация Кнауэра, по слухам, усмотрена в его объяснениях, представленных им в свое время попечителю Киевского учебного округа и найденных теперь более чем удовлетворительными. Если это так, то весьма любопытно вытянуть на свет Божий «самооправдание» господина Кнауэра и попытаться выяснить, не найдется ли действительно, какой-либо благодатной лазейки для реставрации деятельности обиженного немецкого профессора. Объяснения господина Кнауэра в общем сводятся к следующему: сыновья — несовершеннолетние и участвовать в войне против России не могут, переселение семьи в Германию вызвано «необходимостью воспитания детей, ставшего в России с 1905 года весьма затруднительным»; наконец, прошение об увольнении из русского подданства было подано еще до войны в «светло-мирное» время.

В этих объяснениях что ни слово, то ценный перл. Проверить заявление господина Кнауэра о том, что его сыновья не сражаются против нас, весьма трудно, ибо призывной возраст, как мы знаем, существует для солдат, но не для офицерских чинов. Да и кроме того, заявление господина Кнауэра страдает фактической неточностью. Кнауэр утверждает, что Высочайшее соизволение на выход из русского подданства последовало для старшего сына 19 декабря 1912 года, а для младшего — 17 июля 1914 года. Но по имеющимся у нас сведениям, дело происходило как раз наоборот, а именно: 17 июля 1914 года был Высочайше разрешен выход из русского подданства старшему сыну Кнауэра — Гельмуту, приближавшемуся по летам к призывному возрасту. Эта маленькая неточность заставляет думать, что господин Кнауэр в своих объяснениях кое-что подчистил, а кое-где подогнал.

Не менее любопытны объяснения господина Кнауэра относительно переселения семьи в Германию. Оказывается, что в России с 1905 года «воспитание детей стало весьма затруднительным». Понимать это нужно в том смысле, что в России с указанного момента нет, собственно говоря, порядочных учебных заведений. Но как же это господин Кнауэр дал маху и залез на русскую кафедру в то время, когда в Германии существует такая образцовая педагогика и наука, где талант господина Кнауэра нашел бы гораздо большее и достойное применение. Зачем понадобилось господину Кнауэру метать немецкий бисер перед русскими «свиньями», раз в России, по его словам, все учебные заведения представляют одно недоразумение. Давая объяснения, Негг Кнауэр забыл прибавить, что, направляясь в Россию, каждый немец меньше всего думает о «негодных системах воспитания» и старается прежде всего набить свой немецкий карман и свое брюхо, а потом, если он не связан какими-либо секретными обязанностями, улизнуть обратно в фатерлянд.

Но самое курьезное в объяснении господина Кнауэра — это фраза о «светло-мирном» времени. Старший сын немецкого профессора был, как мы знаем, переведен в германское подданство 17 июля 1914 года. Нужно быть чрезвычайным оптимистом, чтобы назвать это время «светло-мирным». Знаменитый соотечественник Кнауэра Прейскер, притаившись, как хищный зверь, только лишь ждал сигнала, чтобы вторгнуться в беззащитный Калиш и начать там свою кровавую вакханалию. Если в официальном документе профессор допустил такую поэтическую вольность, то думается, что и все объяснение господина Кнауэра весьма легковесно и построено в расчете на русскую доверчивость и наивность. А не задавался ли почтенный профессор вопросом: как это возможно прожить целую эпоху в России, дослужиться до чина действительного статского советника и потом переводить своих детей в германское подданство в тот момент, когда они могут обучиться в рядах сражающихся против России? Если не задавался, то задаемся мы и думаем, что указания господина Кнауэра на «светло-мирное» время звучат глубоким сарказмом.

Но Негг Кнауэра хотят опять водрузить в русский университет и по мотивам научного свойства. Кнауэру-де необходимо предоставить кафедру, дабы он мог «закончить издание санскритского текста, порученного ему академией наук».

Признаться, мы этих соображений не разделяем. Хотя речь идет об обогащении русской науки, которая без господина Кнауэра может дать солидную трещину, все же следовало бы подумать и о национальном самолюбии, и об авторитете тех профессоров, кои не хотели Кнауэру подавать руки. Санскритский текст — дело весьма почтенное, но сейчас ведь России не до него.

Да и сам Кнауэр, пожалуй, больше волнуется по поводу успехов германского оружия, чем думает о новых «санскритских» изысканиях.

Фигаро

«Киев»

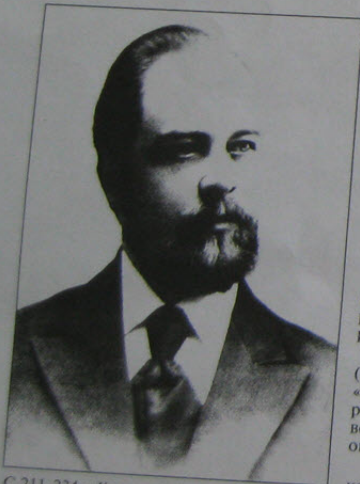
Воскресенье, 22-го февраля 1915 г. № 53

Смягчение участи профессора Кнауэра

Товарищ министр внутренних дел В.Ф. Джунковский уведомил управляющего министерством народного просвещения графа П.Н. Игнатьева, что он признал возможным назначить местом жительства для высланного в одну из сибирских губерний профессора Киевского университета Кнауэра университетский город Томск.

ЦДИАК, ф. 707, оп. 82, спр. 48, арк. 130-133.

Копія заяви професора Роберта Фогеля ректору Університету св. Володимира про неможливість виїзду з Німеччини професора Костянтина Пурієвича 31 серпня 1914 року

Фогель Роберт Пилипович (1859-1920) — астроном. Народився 1 березня 1859 р. у Ржищеві (нині Київська обл.). 1886 року закінчив Університет св. Володимира, у 1887-1889 рр. перебував професорським стипендіатом, 1891 р. захистив магістерську дисертацію «Определение элементов орбит по трём наблюдениям», за яку здобув медаль та премію ім. професора І.І. Рахманінова. У 1891-1893 рр. мав закордонне відрядження, 1893 р. — приватний доцент, 1894 р. — астроном-спостерігач Університету св. Володимира. 1895 року захистив докторську дисертацію «Определение орбит, мало наклоненных к эклиптике», за яку одержав премію Російського Астрономічного товариства (1897). 1897 року — екстраординарний, 1899 р. — ординарний професор на кафедрі астрономії і геодезії. 1901 р. — директор обсерваторії. Помер у лютому 1920 р.

Займався теоретичною астрономією. Розвинув і доповнив класичні методи визначення орбіт планет і комет, запропоновані К.Ф. Грауссом та Г.В. Ольберсом. Автор підручників з описової, сферичної і теоретичної астрономії.

Основні праці: «Курс сферической астрономии» (1910), «Основы теоретической астрономии» (1913), «Описательная астрономия» (1909, 1919), «Русский астрономический календарь» (Н. Новгород, 1899), «О возможности трёх решений при теоретическом полном определении параболической орбиты» (1911).

Література: Богородский А.Ф., Чернега Н.А. Историко-астрономические исследования. М., 1966. Вып. 9. К., 1986. С.331; Астрономічна обсерваторія Київського університету імені Тараса Шевченка. 150 років. Сторінки історії та результати наукових досліджень. К., 1995. С.55-56, 69-74.

Пурієвич Костянтин Адрианович (1866-1916) — фізіолог рослин. Народився 28 травня 1866 р. у Житомирі. Закінчив 1889 р. Університет св. Володимира, залишився для підготовки до професорського звання; 1900 року — професор по кафедрі анатомії і фізіології рослин. Помер 31 серпня 1916 р.

Основні праці: присвячені обміну речовин під час дихання та фотосинтезу рослин, проблеми енергетики фотосинтезу: «Исследования над фотосинтезом» (К., 1913). Автор підручників: «Краткий учебник ботаники» (2-е изд. 1923-1924), «Краткое руководство к практическим занятиям по анатомии растений» (2-е изд. 1919).

Література: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Университета св. Владимира (1834-1884). К., 1884; Биологи: Биограф. справочник. К., 1984. С.519.

Г. Ректору Университета Св. Владимира

Профессор Пуриевич письмом от 11/24 августа, написанным в Наутейме и отправленным одной туристкой 16/29 из Гааги, известил меня, что при попытке возвратиться в Россию его вернули обратно в Наутейм, при чем он не знает, когда ему разрешат выехать из Германии. В виду этого он просит меня известить Ваше Превосходительство официальной бумагой о том, что неприбытие его к сроку произошло не по его вине. Профессор Пуриевич находится в бедственном положении, вследствие недостатка денег, но, к сожалению, сейчас не может указать, по какому адресу ему выслать деньги. При первой же возможности он сообщит адрес телеграммой. Подлинное подписал профессор Р. Фогель.

С подлинным верно:

За Секретаря Совета (підпис)

Настоящее заявление профессора Р.Ф. Фогеля в копии имею препроводить в физико-математический факультет для сведения.

Г. Киев сентября 5 дня 1914 года.

Ректор

За Секретаря Совета (підпис)

ДАК, ф. 16, оп. 469, спр. 224, арк. 23.

Р. Фогель серед спостерігачів повного сонячного затемнення. 21 серпня 1914 р.